

УДК 94:32

ИСТОРИКИ И «ПОЛЕЗНОЕ ПРОШЛОЕ»: К ВОПРОСУ О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦАХ И ДИСЦИПЛИНИРУЮЩИХ ФУНКЦИЯХ ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ю. Ю. Хмелевская

Южно-Уральский государственный университет, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 76
jkhmel@mail.ru

Рассматривая изменение «сервисной роли» истории и отношения государства и общества к производимому ею продукту в советское и постсоветское время, автор размышляет о возможных путях реабилитации исторической профессии. Большое внимание уделяется перспективам публичной истории как междисциплинарной альтернативы, способной конкурировать с государственно-ангажированной версией прошлого.

Ключевые слова: «полезное прошлое», память, история, историческая политика, потребление истории, публичная история, прошлое как политический ресурс, изобретение традиций, мнемонический патриотизм.

...Попытка создать себе *a posteriori* такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим, – попытка всегда опасная, так как очень нелегко найти надлежащую границу в отрицании прошлого.

Ф. Ницше

Термин «полезное прошлое», или, в более корректном переводе с английского *usable past*, «пригодное к пользованию», «применимое в привязке к настоящему», был впервые использован американским литератором и культурологом В. В. Бруксом. Озабоченный ослаблением творческого импульса в современных ему литературно-интеллектуальных кругах, он писал в 1918 г., на излете Первой мировой войны: «Вместо того чтобы уповать на созидательную силу американской истории, они продолжают поддерживать ценности, установленные коммерческой традицией, превознося только то, что прошло через цензуру коммерческого и морализирующего разума... Наше настоящее подобно застоявшемуся болоту, и американские писатели плавают в этой трясине, поскольку прошлое, живущее в обыденном рассудке, утратило жизненную силу. Но разве это единственно возможное прошлое? Если нам так нужно другое прошлое, разве так уж непостижимо, что мы можем найти его или даже изобрести? Прошлое – это неиссякаемое хранилище воззрений и идеалов, которые можно приспособить к настоящему, и сокровищница эта открывается по первому желанию, покоряясь любому, кто заглядывает туда, вооружившись способностью личного выбора. И если мы не можем пользоваться тем прошлым, что предлагают нам наши профессора, то почему нельзя создать другое, наше собственное?» [Brooks, 1918, p. 340].

На первый взгляд, этот программный призыв к поискам «другого», позитивного и вдохновляющего, прошлого напоминает критические заявления современных российских «консерваторов» и защитников государственно-патриотических мифов в адрес «либеральной общественности», погруженной в космополитизм и потребительство. Однако пафос и риторика заявления позволяют предположить знакомство автора с трудами Ницше, популярными у американских интеллектуалов начала XX в., в частности, с известным эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874). Полемицируя с позитивистами о праве истории называться наукой, философ выдвинул положения, во многом предвосхитившие идею «полезного прошлого» и другие методологические концепты, впоследствии развитые в мнемонических исследованиях уже в XX в. Понимая историю не как науку, а как чувственное знание о свершившемся прошлом, главным ее назначением Ницше считал «служение жизни» и выделял три типа «полезной истории», соответствующих трем жизненным ипостасям – монументальную историю, служащую примером для деятельности и борьбы, антикварную, через

которую почитаются предки, традиции и сохраняется преемственность, и критическую, служащую ревизии прошлого и освобождению от него [Ницше, 1990, с. 159].

Такой взгляд на прошлое – как на нечто, что может быть найдено, обретоно и опознано как «полезное» и «пригодное» в реальной жизни, а не просто встроено в фактологический ряд, – знаменует собой формирование прагматического, презентистского подхода, позволяющего увидеть в минувшем не только дидактический урок потомкам или последовательность событий, но и резервуар референций и символов для навигации в настоящем. Изобретенный Бруксом термин, обозначающий эту «функциональность» прошлого, вошел сначала в художественную литературу и филологию, а затем в обиход наук, изучающих проблемы памяти как социального феномена. В настоящее время в англоязычных историко-культурологических исследованиях он используется почти так же часто, как «воображаемые сообщества» Б. Андерсона и «изобретенные традиции» Э. Хобсбаума, особенно в работах, посвященных формированию различных идентичностей.

Росту научного интереса к «пригодному прошлому» в немалой степени способствовал «мемориальный бум», сопровождавший масштабные социокультурные и политические перемены конца XX – начала XXI в., когда «память» стала противопоставляться «истории» как официальному знанию о прошлом и одновременно использоваться как политический ресурс. В российском пространстве этот концепт, существующий безотносительно Брукса и обозначаемый как «актуальное прошлое», появился сравнительно недавно, и, поскольку он рассматривается как часть современной исторической политики, первыми его осваивать начали политологи [Малинова, 2013, с. 114–130, Малинова, 2015]. Политическое использование памяти – также концепт недавний, но отсутствие наименования не значит отсутствия явления.

Элементы утилитарного отношения к прошлому присутствовали во все исторические периоды – как аргумент для династических или территориальных претензий, формирования образа вождя или врага и т.д. Однако в досовременности апелляции к образам и символам прошлого носили ситуативный характер. Целенаправленная же политика эксплуатации прошлого начала складываться с возникновением национальных государств, когда одной из задач власти стало формирование символического единства, важнейшим компонентом которого являются представления об общем «наследии». Собственно, сущность исторической политики – создание и продвижение одобряемого властью нарратива коллективного прошлого – с тех пор не изменилась. Менялись лишь институты ее осуществления.

Одной из первых инстанций, наделенных правом рассказывать о прошлом и воспитывать «правильное» его видение, стала история, официально утвердившаяся как учебная и академическая дисциплина во второй половине XIX в. Уже тогда она по умолчанию считалась политически ангажированной, квинтэссенцией чего может служить, например, известный афоризм, приписываемый Бисмарку: «Главное – захватить чужой город, а там уж историки обоснуют, почему это исконно наши земли». Российский кейс, где слово «историк» считается ныне почти ругательным, представляет интерес прежде всего тем, что историческая наука и обслуживающее ее профессиональное сообщество рассматриваются теперь не как субъекты, а как объекты государственной исторической политики, направленной на упорядочивание прошлого, и все больше отстраняются от собственно производства исторических представлений. В данном тексте, не претендуя на окончательные выводы, я попытаюсь обозначить вызовы, возникающие перед российскими историками и историей как наукой, показав в самых общих чертах, как менялись их отношения с государством и обществом в контексте конструирования и эксплуатации общего прошлого начиная с советского периода и кончая настоящим временем.

В России по сравнению с другими гуманитарными науками история как дисциплина, пожалуй, обладает самой длительной институциональной традицией. Исторические кафедры были учреждены в российских университетах еще в начале XIX в., а профильные исторические (историко-филологические) факультеты – в середине XIX в. Примечательно, что ни в имперской, ни особенно в советской традиции, несмотря на то, что именно из исторических факультетов до 1917 и 1991 гг. вышло немало людей с либеральными взглядами, история никогда не принадлежала к так называемым «свободным искусствам» в западном понимании Liberal Arts. Однако в дореволюционное время она практически не использовалась как средство прямой индоктринации. Возможно, отчасти это было связано с весьма ограниченным ареалом воздействия институтов и каналов секулярного исторического знания. Министерство народного просвещения следило за государственным

содержимым стандартных гимназических учебников, допуская в то же время некоторую свободу толкования истории в университетах, а на остальное население, находящееся вне системы светского исторического образования, влияли другие проводники верноподданничества – например, церковь.

С наступлением советского периода ситуация кардинально изменилась. В первые полтора десятилетия советской власти одной из основных доктрин нового общества и государства стало демонстративное отречение от «старого прошлого». Правда, большевики оказались не так радикальны, как республиканцы времен Великой французской революции, и не стали отказываться от летоисчисления от Рождества Христова, но революционный 1917-й начал считаться новой «точкой основания». Поскольку собственной истории у нового общества еще не было, ее отменили и как отдельную дисциплину в учебных планах. В 1919 г. в университетах вместо историко-филологических и юридических факультетов были открыты так называемые ФОНы («факультеты общественных наук»). Вместо истории, российской и зарубежной, и в школах, и в вузах стала преподаваться новая наука – обществоведение, сочетавшая в себе элементы марксистской социальной теории, политэкономии и исторических знаний, которые играли вспомогательную, иллюстративную роль. При этом в качестве нижней планки «полезного» исторического горизонта, хоть как-то связанного с настоящим, устанавливался XVI век, а все, что глубже, считалось нерелевантным. Отделение исторических наук и филологии было оставлено только в Академии наук, а «профильные» исторические курсы (с акцентом на историю социализма и классовой борьбы) предлагались только в Институте красной профессуры, Коммунистической академии, Высшей партшколе и ее филиалах. Эта система, созданная в качестве альтернативы старым, «буржуазным», университетам, была призвана служить «пролетаризации» науки, повышению образовательного уровня членов партии и подготовке нового исследовательско-профессорского корпуса, «заточенного» под большевистский проект [David-Fox, 1997].

За соблюдением политической линии бдительно следило «Общество историков-марксистов» во главе с негласным лидером новой исторической науки «красным академиком» М. Н. Покровским – вторым лицом в Наркомпросе, чья приверженность марксизму сложилась еще при «старом режиме». Именно ему принадлежал знаменитый слоган «История – это политика, опрокинутая в прошлое» [Покровский, 1928, с.5–6], сыгравший впоследствии печальную роль, в том числе и в отношении к наследию и ученикам самого Покровского. Однако принудительная «марксизация» не практиковалась вплоть до эпохи «великого перелома» и «дела академиков» 1929–1931 гг., когда под предлогом борьбы с контрреволюцией из академических институтов была вычищена вся немарксистская историческая элита. Это время совпало со сворачиванием идеи мировой революции и началом строительства советской империи. Укрепляющаяся сталинская вертикаль все больше нуждалась в исторических корнях, символической преемственности и в воспитании патриотизма.

Поворотным пунктом в советской исторической политике стало Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. – один из важнейших документов в серии партийно-правительственных решений первой половины 1930-х гг., покончивших с революционно-романтическими экспериментами в сфере образования. В постановлении констатировалось, что «вместо преподавания гражданской истории в живой занимательной форме... учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории отныне было объявлено «соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат. Только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории» (Постановление от 15 мая 1934 г...).

В соответствии с новыми директивами история вернулась в учебные планы школ и университетов как отдельный предмет с разведением на российскую и зарубежную, для написания учебников был объявлен конкурс и создана специальная комиссия, в деятельности которой участвовал сам вождь, лично правивший тексты. А для подготовки квалифицированных учителей заново от-

крылись исторические факультеты в Московском и Ленинградском университетах с полным пятилетним курсом обучения и набором по 150 человек на поток. В течение нескольких лет исторические факультеты и кафедры появились и в региональных университетах и педагогических институтах.

С одной стороны, благодаря массовости советского образовательного проекта с середины 1930-х гг. получение хотя бы начатков исторического знания о прошлом стало доступно более широким кругам населения, с другой – будучи взятыми под пристальный партийный контроль, все типы исторической работы, от создания школьных учебников до академических исследований и коммеморативного использования публичных пространств, оказались объектами государственного вмешательства. Но так или иначе отринутое и многократно раскритикованное в предыдущие годы дореволюционное прошлое с войнами, распрями и царями больше не было проклятым – оно стало официально вспоминаемым, изучаемым и активно используемым. «Полезность» этого прошлого для обслуживания государственных и политических нужд отныне объяснялась наличием в нем не только примеров классовой борьбы, служивших предысторией судьбоносного 1917-го, но и знаменательных дат, событий и великих личностей. Некоторым из них суждено было стать (и оставаться до сих пор) культовыми, используемыми в создании образа преемственности героических традиций, как, например, Суворов, Александр Невский и Петр Первый. Демонстративный отказ от «старого мира» сменился его селективной интеграцией в советский метанарратив, а восстановленная в правах и прирученная история, которой партия доверила производить и воспроизводить этот нарратив «по-марксистски», превратилась в одно из средств легитимации советского строя.

Разумеется, было бы ошибкой относить всех советских историков к идеологической службе режима и апологетам марксизма. За 70 лет господства истмата в историческом цехе выработались свои стратегии приспособления. Наряду с карьеристами, использовавшими партийность как средство продвижения в академической иерархии, было немало тех, кто предпочитал уходить в знаточество, прибегая к марксистским формулам лишь как к ритуалу, необходимому для доступа к профессии. У многих коллег из последнего и предпоследнего советских поколений, учившихся или закончивших университеты на излете советской эпохи, имеются свои истории о профессорах, иногда приоткрывавших завесу сакрального знания о сюжетах из прошлого и подходах к его изучению, которые не освещались в учебниках. Как рассказывала, например, знакомая из Пермского университета, «недавно в старых бумагах наткнулась на свои студенческие конспекты из начала 80-х и поразилась, насколько там много всего такого, что сейчас называется социальной, культурной и интеллектуальной историей, ментальностью, дискурсами и так далее... Оказывается, уже тогда все это было, только мы не понимали» [Interview, 2012].

Справедливости ради стоит заметить, что первое русскоязычное издание Фуко, снискавшего бешеную популярность у гуманитариев постсоветской эпохи, было осуществлено советским издательством «Прогресс» еще в 1977 г. [Фуко, 1977]. Впрочем, как замечает Л. Энгельштейн, «русские не ждали Фуко. У них были Бахтин и Лотман» [Энгельштейн, 2001], оказавшие большое влияние на развитие «новой исторической школы» в советской медиевистике, сблизившейся с французской школой Анналов. «Зарубежники» и «древники» вообще часто являли собой своеобразное интеллектуальное подполье или молчаливую фронду. Однако обыденное мнение советского общества о советских историках в целом как некоей усредненной профессиональной группе и о предлагаемой ими «истории» как продукте не отличалось особым пиететом. Ирония по поводу их «справдливости» отразилась, например, и в анекдотических сюжетах о «непредсказуемости прошлого», и в известной песне А.Галича «К съезду историков», написанной в 1972 г., еще до эмиграции, где обыгрывалась смена трактовок «Песни о Вещем Олеге» [Галич, 1972]. Но настоящий вал критики обрушился на корпорацию историков в перестроечные годы.

Кампания гласности, затеянная для исправления, как тогда говорили, «отдельных недостатков», быстро вышла из-под контроля партийного руководства и вместо текущих проблем охватила советское прошлое и советскую историю как науку, которая рассказывала об этом прошлом. Именно обращение к исторической аргументации и самому принципу историзма позволило затронуть не просто «недостатки», но сами основы существующего строя, логически вытекающие из прошлого. Отношение к прошлому, таким образом, выступило в качестве фермента социальной активности, правда – и это очень важный момент – критический импульс исходил не от профессиональных историков, а от публицистов, писателей и представителей так называемых «смежных» дисциплин –

социологов, философов, экономистов. Историки присоединились к этим дискуссиям не сразу [Чель, 2011, с. 52–118; Молодяков, 2011, с. 261–300; Копосов, 2011, с. 111–136], и важнейшим для них итогом всех этих дебатов наряду с деконструкцией догм истмата стало снятие с истории как дисциплины прямой «воспитательной» миссии. Но платой за методологический плюрализм и свободу интерпретации послужила утрата экспертного авторитета как в глазах общества, так и в глазах власти.

Основой новых коллективных исторических представлений этого времени, складывавшихся на фоне обнародования страшной «правды о прошлом» и поиска «белых пятен истории», стало отрицание советского опыта. Причем прошлое, предшествовавшее советскому, не только сохранилось в категории «полезного», но и было значительно идеализировано и приближено, в том числе символически – через «царский» гимн, флаг и герб, через возвращение исторических, досоветских названий, моду на дворянские, купеческие, казачьи и прочие «корни», а пантеон «годных» образов был пополнен новыми культовыми фигурами, например, Романовыми, Столыпиным, лидерами Белого движения и другими персонажами, призванными символизировать «Россию, которую мы потеряли». Советский же период начал рассматриваться как досадная цезура в «нормальном» развитии российской истории. Однако политические шаги, сопровождавшие эти процессы, были непоследовательны. В данный момент «непроработанность» советского прошлого, хронологически прожитого и отодвинутого, но не вполне прошедшего, признается общим местом во всех исследованиях и мнениях о периоде середины 1980–1990-х гг.

Ностальгия по советской эпохе, распространившаяся к концу «либеральной эры», не имела, конечно, ничего общего с реставрацией СССР как политической системы, а базировалась на сентиментах по поводу «тогдашней» стабильности, великодержавия, чувства защищенности, гордости за страну и т. д. Тем более что в отличие от большевистского обращения с «царским» прошлым в первые годы советской власти память о советском и сами практики его «вспоминания» не подавлялись, а самые одиозные «советские историки» сохранили позиции в академических институтах. В рамках этой тоски по якобы утраченному национальному величию к началу нулевых настала очередь включения советского периода, релятивизированного и лишённого политической специфики, в общее полезное прошлое и пополнения его множеством «годных», хотя и не всегда бесспорных референций, способных послужить настоящему, и прежде всего возрождению имиджа великой России.

Круг замкнулся – с начала 2001 г. поднятие российского триколора стало сопровождаться советским гимном, «связь времен» восстановилась, а рефреном официальной государственной риторики стала идея единой тысячелетней истории, «копираясь на которую, мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития» (Послание Президента..., 2012). При этом вновь была отыграна стигма предвзятости, наложенная на историков в «либеральную эру», правда, теперь с иным маркером. Тогда их критиковали как апологетов советского режима, скрывавших правду. В «России, встающей с колен», их стали обвинять в поругании прошлого, написании учебников на западные гранты и вообще представлять чуть ли не главными разрушителями государственности и патриотизма, тем самым создавая основания для отстранения представителей исторической профессии, если они не возьмутся за ум, от будущей исторической политики. Судя по реакции на недавний медийный флешмоб, последовавший за фестивалем «Остров 90-х», у «сельцинского десятилетия» имеются большие шансы официально занять временно пустующее место темного (непригодного) прошлого и новой цезуры в преемственности.

Усилившееся с середины 2000-х гг. наполнение российского дискурса историческими и мемориальными аллюзиями, иногда доведенными до полного абсурда, симптоматично, но не уникально. В Западной Европе и США расширение идеи коллективной памяти до «зонтичного понятия», что заменило понятие «идеологии», превалировавшее в дискурсах 1960-х, 1970-х и 1980-х гг., произошло еще в конце прошлого века [Assmann, 2010, p. 35–50, Hirsch, 2012, p.33–34]. Но там этот процесс развивался на основе культурного типа памяти, формировавшегося снизу. Его поддержка была обеспечена сложившейся в относительно бесконфликтной ситуации и стабильно функционирующей «индустрией наследия» национального и локального масштаба. В российском же пространстве, обремененном радикальными переменами, травматическим опытом и множеством конкурирующих версий памяти, востребованным стал политический мобилизующий тип памяти, поддерживаемый через государственные институты, а по сути представляющий из себя мнемониче-

ский патриотизм, активно поощряемый сверху [Калинин, 2012]. Именно к такому способу использования памяти в 2008 г. апеллировал Г. Павловский, тогда еще кремлевский советник, указывая, что «невозможность иных форм идеологии неизбежно превратит в будущем политику памяти в стандарт будущей политики как таковой» [Павловский, 2008].

Признаки стремления государства взяться за наведение порядка в коллективных представлениях о прошлом проявились еще в начале 2000-х гг, когда российские власти стали выражать озабоченность «разбродом» в преподавании гуманитарных наук, и прежде всего истории, начав, как и их советские предшественники за 70 лет до этого, со школьных учебников. Уже в 2003 г. на встрече с историками президент заявил, что «учебники не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы» и в них «необходимо излагать только факты истории, вызывая у молодых людей чувство гордости за свою страну» [Владимир Путин..., 2003]. На совещании с учителями и вузовскими преподавателями в 2007 г., когда идея стандартизации и единообразия в историческом образовании была определена более четко, обозначились и основные «проблемные поля»: «каша в головах», недостаточное осознание уникальности российской цивилизации, оскорбительные трактовки Великой Отечественной войны и авторы, пишущие подрывные учебники на деньги иностранных фондов [«Оскорбительно бывает...», 2007]. И, хотя последний конкурс на создание учебников на деньги Сороса был проведен еще во второй половине 1990-х гг., эта тема звучала и в 2013-м, когда было принято решение о едином учебнике истории для школ.

Анализ учебников и дебатов, возникающих в связи с каждой попыткой ввести единообразие в преподавание истории, уже давно превратился в особую отрасль изучения общественного мнения [Левинтова, Баттерфилд, 2009, р. 103–114; Levintova, 2010, р. 125–127]. Однако и в аналитике, и в аргументации дискутирующих сторон вне зависимости от позиции прослеживается «вертикальный» дискурс, не допускающий искажения или утраты какой-либо директивы или посылки сверху. Что касается перспектив воздействия «единообразного» учебника школьников и студентов, то оно предположительно будет происходить через «послания», содержащиеся в учебных текстах. Отсюда же проистекает риторика «насаждения мнений/чуждых ценностей», «промывания мозгов», «угрозы единомыслия» и т.д. Хотя, как показывает, например, Д. Бранденбергер, даже в жестких условиях сталинской системы результаты такой top-down обработки бывали весьма далеки от ожиданий тех, кто ее проводил [Brandenberger, 2002, р. 27–62]. Дело даже не в том, будет ли это текст, созданный профессиональными историками и приглашающий к размышлению, или апологетический «учебник любви к родине», написанный с подачи патриотически настроенных депутатов Государственной Думы. В отличие от советского периода, категориями и методами которого до сих пор оперируют нынешние творцы исторической политики, на современном рынке исторических представлений присутствует множество других неконтролируемых агентов информации, которыми обучаемые умеют пользоваться гораздо лучше обучающихся.

Социологические опросы, имеющие целью выявление знаний истории, свидетельствуют о достаточно высоком знании базовых фактов и вместе с тем о ситуативности интереса к этому предмету, что объясняется в большей степени чтением литературы, семейными рассказами и информацией медиа-ресурсов, чем изучением истории как предмета, а также о том, что школьное обучение не играет ведущей роли в формировании сознания и идеологических предпочтений учащихся [Зоркая, 2007, с. 35–46]. Случайно ли, что, несмотря на возросший, по данным Левада-Центра, до максимума замеров за последние 15 лет позитивный рейтинг Сталина (52 %), наименее симпатичен этот исторический персонаж оказался молодым людям в возрасте от 18 до 24 лет? (Опрос..., 2015). А ведь это те, чьи исторические предпочтения должны были складываться на волне подспудно продвигаемой в последнее десятилетие, в том числе через систему образования, «облегченной» версии сталинизма и нормализации советского прошлого.

Не очень успешными оказались и попытки государства обуздать неподконтрольные источники несопадающих с мейнстримом исторических интерпретаций через регулирование административными средствами. «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России», созданная в 2009 г. по большей части из чиновников, чем из историков, и наделенная невнятными полномочиями, через три года была без лишнего шума упразднена. Она так и не выявила ни одной фальсификации, не провела ни одной экспертизы и не опубликовала ни одного документа. Правда, ее руководитель – Сергей Нарышкин, радиотехник и экономист по образованию, а по должности тогда руководитель Администрации Президента, – был назначен пред-

седателем воссозданного в 2012 г. Российского исторического общества. Вслед за ним возникло Российское военно-историческое общество, которое в 2013 г. возглавил скандальный министр культуры Владимир Мединский, не обладающий ни историческим, ни военным «бэкграундом» и категорически не уважаемый в академических кругах. Оба общества, по уставу объявленные «общественно-государственными» и содержащиеся на бюджетные средства, по сути дела представляют собой зонтичные структуры для объединения разнообразных историко-патриотических организаций, многие из которых также находятся на государственном финансировании. Продвигая официально одобренную властями версию истории, руководимые государственными чиновниками РИО и РВИО выполняют, таким образом, ту же роль, что и государственные Институты национальной памяти в Польше и Украине, являясь прямыми агентами государственной исторической политики.

Российская практика принятия так называемого «мемориального законодательства» уже сама по себе служит свидетельством фактического признания исторического прошлого охраняемым государственным ресурсом. К настоящему времени Уголовным кодексом РФ (ст. 354.1 Реабилитация нацизма) под защиту взят только один исторический сюжет – Вторая мировая война, причем к «реабилитации нацизма» приравнивается «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». За почти два года действия закона (с весны 2014 г.) он еще ни разу не применялся, но именно эта формулировка, допускающая весьма расширительное толкование, вызывает наибольшие опасения экспертов. Иллюстрацией же, мягко говоря, неоднозначности бытующих в настоящее время представлений о лжи и правде о войне может служить, например, недавняя весьма эмоциональная дискуссия о подвиге панфиловцев. В ней противопоставленная распространенному мифу правда, подкрепленная архивными документами, вызвала массу негативных откликов и обвинений в покушении на святое.

Между тем уже имеется правоприменительная практика использования ст. 20.3 российского Кодекса об административных правонарушениях («Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики»), принимающая иногда настолько абсурдный характер, что Роскомнадзор посчитал нужным произвести юридико-лингвистическую экспертизу и специально разъяснить, что «использование нацистской и сходной с ней до смешения атрибутики/символики в исторических, научных и т.п. целях признается допустимым» (Демонстрация нацистской..., 2015). Это судебное охранительное рвение свидетельствует не только о низкой юридической квалификации сотрудников органов правосудия и противоречивости современного российского законодательства, но и об атрофии исторического (со)знания, позволяющего адекватно считать символику, отличающую патриотическую антифашистскую карикатуру времен Второй мировой от нацистского плаката. О том, какой суд такие патриоты «правильного прошлого» могут устроить над историей, можно только догадываться.

В риторике же власти, провозгласившей крестовый поход в защиту «культурных кодов» и «исторической правды», можно заметить симптоматичные, вполне постмодернистские оговорки. Так, в ноябре 2014 г. во время встречи с «молодыми историками», говоря о сакральности Херсонеса для российской истории, Владимир Путин воспроизвел кочующую по медиа цитату из В. О. Ключевского: «История – не учительница, она ничему не учит. Она *надзирательница*. Она наказывает за *плохо выученные уроки*» (выделено мной. – Ю.Х.) (Путин..., 2014). Между тем в оригинале афоризм звучит иначе: «История – не учительница, а *назидательница, наставница* жизни; она ничему не учит, а только наказывает за *незнание* уроков [Ключевский, 1990, т.9, с. 365].

Эффективны ли будут в долговременной перспективе государственные инвестиции в мнемонический патриотизм и надзор за тем, чтобы «славное прошлое» оставалось пригодным и управляемым, покажет время. Патриотический проект, связанный с недавним последовательным празднованием нескольких круглых исторических дат, оказался достаточно успешным. Но уже сейчас понятно, что в современном мире «историю» в широком понимании этого слова поставить под полный контроль государства, ученой корпорации или образовательных учреждений невозможно, если, конечно, не будет полностью перекрыт доступ к информации, что с развитием современных технологий и средств коммуникации, становится все менее вероятным.

В начале 1990-х гг. В. Б. Кобрин в известной работе, посвященной труду историка, заметил: «В наши дни любят историю и не жалуют историков» [Кобрин, 1992]. Действительно, за что их жа-

ловать? С точки зрения усредненного обывателя хотя бы с какими-то историческими интересами, сначала историки навязывали всем «единственно правильную» интерпретацию исторических фактов в духе «Краткого курса истории ВКП(б)», потом доказывали, что все было совсем не так и плясали «польку-бабочку» за западные деньги, а сейчас и вовсе не могут предложить что-либо связанное, понятное и целостное.

Куда пойти историку, если в исторической политике практически нет места научному, критическому мнению, а сами историки отстраняются от каналов, используемых властью для продвижения одобряемого ею мемориально-исторического нарратива? По мере того как в российском пространстве стали ограничиваться возможности независимого от государства грантового финансирования [Нарский, Хмелевская, 2011, с. 301–319], довольно много коллег без особого дискомфорта переключились на патриотические проекты, имеющие больше шансов получить поддержку из российских фондов и бюджетных источников. После четверти века тренировок в написании заявочных текстов не так уж трудно подладиться к завуалированным требованиям огосударственных отечественных грантодающих структур. Но как быть тем, кто не хочет приспосабливаться к мейнстриму, – писать в стол или заниматься выискиванием исторических обид?

Рассматривая «полезное прошлое» с точки зрения политологии, О. Малинова выделяет три критерия политической пригодности событий дней минувших. Во-первых, они должны быть узнаваемы и известны публике из разных источников. Во-вторых, события прошлого должны представлять нас в позитивном свете. И, в-третьих, «полезное прошлое» не должно интерпретироваться с диаметрально противоположными знаками [Малинова, 2015]. Думается, одним из способов неангажированного участия историков в исторической политике и одновременно средством своеобразной реабилитации исторической профессии перед обществом может стать именно делание массово узнаваемыми и опознаваемыми не только тех событий, что входят в официально одобренный репертуар. Такого рода деятельность потребует хотя бы частичной дедисциплинизации, т.е. выхода профессиональных историков из привычных институциональных рамок аудиторно-кабинетной науки. Речь идет прежде всего о так называемой «публичной истории», о посредничестве между академической и массовой сферами.

Принципиальное отличие публичной истории от истории «академической» в том, что она не предстает как особая дисциплина и не ставит перед собой просветительских или воспитательных целей. Ее задачами являются поиски компромисса и ведение диалога между экспертным знанием и массовой культурой, исследование и продвижение «исторического» как культурного жанра, позволяющие увидеть, как происходит потребление разных форм исторического знания за пределами академии, как исторические представления, транслируемые сверху вниз и наоборот, функционируют и препарируются в публичном дискурсе, будучи оспоренными, нивелированными, адаптированными или же, напротив, поддержанными и нашедшими отклик.

В публичной истории велика роль «культуры участия», объяснения, коммуникации рассказчика с аудиторией, провокации, ситуативности, эмпатии, импровизации. Она позволяет делать видимым и осязаемым процесс собственно «употребления», переживания и объяснения прошлого, извлечения из него «пользы» здесь и сейчас – при просмотре исторического сериала, чтении романа, музейном квизе или экскурсии по развалинам. Однако на пути интеграции российских историков в пространство публичной истории имеется несколько существенных препятствий.

Во-первых, это подчеркнутая междисциплинарность, по отношению к которой значительная часть отечественного исторического сообщества демонстрирует редкостную резистентность, упорно не только сопротивляясь заимствованиям из смежных дисциплин, но и отстаивая приверженность одной, «проверенной» методологии в рамках «своей» дисциплины. Во-вторых, работа в поле публичности требует нетрадиционных для конвенционального историка практических умений и навыков. Как отмечает один из известных специалистов по публичной истории, Дж. де Грут, «если вы хотите взять за основу методы анализа публичной истории, вам необходимо много знать о музеях, искусстве, коллекциях, перформансах, понимать, как делаются фильмы или тв-программы. Историки редко рассматривают эти навыки как фундаментальные – и крайне редко обучают им. Таким образом, необходимы исследователи, которые были бы знакомы с множеством этих навыков, существующих за пределами академии» [Публичная история..., 2013, с. 9–10; De Groot, 2010; Савельева, 2015, с. 22–36]. Публичный историк должен быть не только историком, но и менеджером, организатором. И, наконец, публичный историк должен уметь разговаривать с публикой, об-

ходя академическую терминологию, но не опускаясь до эвфемизмов и сленга. С почти полным изживанием практики публичных лекций этот навык, за редким исключением, также исчез.

Но такими навыками не обладают и представители официально патронируемых государством исторических обществ и особо приближенные к власти историки, или, как их чаще принято называть, «эксперты» вроде рассказчика конспирологических баек Александра Мясникова, приглашаемые на правительственные мероприятия. Собственно историком по образованию из них является лишь Вячеслав Никонов, внук сталинского наркома Молотова, в прошлом парторг истфака МГУ и завсектором ЦК КПСС, а ныне председатель комитета Государственной думы по образованию, время от времени радующий бывших коллег по исторической профессии эффектными заявлениями, например, об арийских корнях русского народа (Вячеслав Никонов..., 2014).

Кроме участия в официальных празднествах и пропаганде, особо активным взаимодействием ни с историческим сообществом, ни с массовым «потребителем», несмотря на мощное финансирование и административный ресурс, не отличились за три года существования оба прогосударственных «исторических общества». Тот же тренд демонстрируют и исторические иллюстрированные журналы, рассчитанные на массового читателя. Например, в преамбуле одного из новейших изданий такого рода, ежемесячного журнала «Историк. Журнал об актуальном прошлом», что выходит с января 2015 г., заявляется: «Мы пишем для тех, кто считает себя патриотом. Для тех, кто испытывает потребность в консервативном знании о прошлом и настоящем. Для тех, кто устал от глумления над историей своей страны, от засевших в общественном сознании и часто привнесенных извне стереотипов и штампов восприятия действительности. Для тех, кто не согласен с попытками интерпретировать историю своей Родины лишь как цепь реализованных негативных альтернатив» (О проекте..., 2015).

Смогут ли отдельные историки-фрилансеры или, например, Вольное историческое общество, существующее пока в виртуальном виде, что-либо противопоставить в ближайшей перспективе этой чиновно-исторической активности, сказать сложно. Российскому историческому ландшафту явно не хватает не только независимого финансирования, но и тех, кого в странах с развитой публично-исторической культурой не без иронии называют «пи-эйч-дивами» (*PhD-divas*, от английского *PhD* – «докторская степень» и *diva* – «знаменитость», «примадонна»). То есть известных академических фигур с высоким позитивным медийным рейтингом, обладающих высокой, в том числе формальной, квалификацией в профессии, имеющих влияние в деловых и политических кругах и способных не просто снизойти до общения с «профанной» публикой, но и представить ей самые передовые академические достижения. Причем сделать это так, чтобы они стали узнаваемыми и востребованными предметами массового интереса.

Некоторый оптимизм вселяет постепенное проникновение публичной истории в российские университеты – третий год действует магистерская программа по публичной истории в Московской высшей школе социальных и экономических наук, а с 2015 г. аналогичные междисциплинарные программы предложены на факультетах истории Петербургского отделения Высшей школы экономики и Пермского государственного университета. Возможно, и у нас со временем появятся харизматичные менеджеры от истории, способные не только «осваивать» средства на заказные исследования и приводить исторические факты в соответствие с государственными интересами. Если уж и превращать историю в набор изобретенных традиций, то именно традиций грамотного, критического потребления, с пользой для себя и для общества, всего того многообразия тем, сюжетов и репрезентаций, которые способно предложить прошлое. Пока же приходится довольствоваться тем, что после очередной летней школы с нетипичной концепцией кто-то из студентов бросает выдаваемый за «историческое исследование» скрупулезный подсчет рельсобалок, произведенных на уральских заводах в годы Великой Отечественной войны, и переключается на тему «работы над прошлым» среди своих сверстников.

Список источников

- «Оскорбительно бывает...» // Независимая газ. 2007. 22 июня. URL: http://www.ng.ru/politics/2007-06-22/1_rodina.html (дата обращения: 01.09.2015).
- Владимир Путин встретился с учеными-историками. 27.03.2003. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/29822> (дата обращения: 01.09.2015).
- Вячеслав Никонов: Отношение к стране во многом зависит от того, что будет написано в учебнике истории. 7 апреля 2014. URL: <http://www.duma.gov.ru/news/273/646438/> (дата обращения: 01.09.2015).

Демонстрация нацистской символики без целей пропаганды не должна трактоваться как нарушение закона о противодействии экстремизму. URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (дата обращения: 01.09.2015).
 О проекте // Историк. Журнал об актуальном прошлом. URL: <http://xn--h1aagokeh.xn--p1ai/o-proekte/> (дата обращения: 01.09.2015).
 Опрос: больше 50% россиян поддерживает Сталина. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2015/01/150120_russia_stalin_poll (дата обращения: 01.09.2015).
 Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/ (дата обращения: 01.09.2015).
 Путин о ключевой роли истории. 06.11.2014 URL: <http://www.youtube.com/watch?v=gfu-89FY4Ls> (дата обращения: 01.09.2015).
 Постановление от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения: 01.09.2015).
 Interview CEU CRF-4-CU Perm. 01.2012 // Архив автора.
 Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/communitiy_meetings/24359/audios (дата обращения: 01.09.2015).

Библиографический список

Галич А. Предполагаемый текст моей предполагаемой речи на предполагаемом съезде историков стран социалистического лагеря, если бы таковой съезд состоялся и если б мне была оказана высокая честь сказать на этом съезде вступительное слово (1972). URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=31922> (дата обращения: 01.09.2015).
 Публичная история – это не дисциплина. Интервью с профессором Манчестерского университета Джеромом де Гру // Научный электронный журнал АРТИКУЛЬТ. №11 (3-2013). С. 9–23.
Зоркая Н. Ностальгия по прошлому, или какие уроки усвоила и могла усвоить молодежь. // Вестник общественного мнения. 2007. Вып. 3.
Калинин И. Мнемонический патриотизм. Выступление на семинаре «Право, политика, экономика и СМИ» в Зеленогорске и последующая дискуссия. 06.04.2012. URL: <http://msps.ru/article/9772> (дата обращения: 01.09.2015).
Калинин И. Мнемонический патриотизм: Империя памяти и «постколониальные вызовы» современной России. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1677> (дата обращения: 01.09.2015).
Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории // Соч.: в 9 т. М., 1990. Т. 9
Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? (1992). URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.HTM (дата обращения: 01.09.2015).
 Копосов Н. Битвы за историю при Горбачеве и Ельцине // Память строгого режима. М., 2011.
Левинтова Е., Баттерфилд В. Как формируется история и отношение к ней : школьные учебники о новейшей российской истории // Вестник общественного мнения. 2009. Вып. 3 (101).
Малинова О. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015.
Малинова О. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1.
 Политика памяти в постсоветской России: Политолог Ольга Малинова о критериях политической пригодности исторических событий и интерпретации прошлого в политике Ельцина и Путина. URL: <http://postnauka.ru/video/41333> (дата обращения: 01.09.2015).
Молодяков В. Канун новой ортодоксии. Историк и власть в перестроечной и постсоветской России // Науч. сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г.Бордюгова. М., 2011.
Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С.158-230.
Нарский И. В., Хмелевская Ю. Ю. Между конкуренцией и патернализмом: «грантовый» историк в современной России // Науч. сообщество историков России: 20 лет перемен / под ред. Г.Бордюгова. М., 2011. С. 302–319.
Павловский Г. Плохо с памятью – плохо с политикой // Рус. журнал. 09.12.08. URL: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj> (дата обращения: 01.09.2015).
Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за десять лет: докл. на конф. марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. // Вестник Коммунистической академии. М., 1928. Кн. 26 (2).
Савельева И. М. Таланты и посредники: граница между академической и публичной наукой // Об-

ественные науки и современность. 2015. N 1.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук // пер. Н. Автономовой и В. Визгина. М., 1977.

Чечель И. Профессиональные историки в эру публицистичности : 1985–1991 гг. // Науч. сообщество историков России : 20 лет перемен / под ред. Г. Бордюгова. М., 2011.

Энгельштейн Л. Повсюду «Культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX вв. // Новая русская книга. 2001. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/3/engelsh.html#3a> (дата обращения: 01.09.2015).

Assman A. Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // Memory, History and Identity in Modern Europe / eds. K. Tilmans, F.van Vree, J. Winter). Amsterdam, 2010.

Brandenberger D. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press, 2002.

Brooks V. W. On Creating a Usable Past, The Dial 64.7 // The Dial. Vol. LXIV, No. 764, 1918. 11 April.

David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviki, 1918–1929. Ithaca, 1997.

De Groot J. Consuming History. Historians and heritage in contemporary popular culture. New York, 2009.

Hirsch M. The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust. Columbia University Press, 2012.

Levintova E. Past imperfect: The construction of history in the school curriculum and mass media in post-communist Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 2010. Vol. 43 (2).

Дата поступления рукописи в редакцию 20.11.2015

HISTORIANS AND THE «USABLE PAST»: ON DISCIPLINARY LIMITATIONS AND DISCIPLINING FUNCTIONS OF HISTORY IN CONTEMPORARY SOCIETY

Ju. Yu. Khmelevskaya

South Ural State University (National Research University), Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
jkhmel@mail.ru

Since history was institutionalized as a scholarly and educational discipline, one of its assignments, along with the research and development of secular knowledge, has been production and promotion of the officially approved narrative of the past that could be used for various «practical» needs – justifying political and military ambitions, legitimizing regimes and providing “a feeling of belonging” to a symbolic entity (a nation, a people, or a certain group). Having started in the era of the emergence of national states in XIX century, the presentist constructions of the narratives of the past that could serve a reservoir of symbols “useful” to the current have become even more important in the late XX – early XXI century when, with dilution of conventional structures of identities, the notions of «memory» and «common past» replaced the notion of “ideology” prevalent in previous years and were incorporated into a state politics of the past. In Russia, the “turn to the past” ended up with the state’s appropriation of the past as a political and symbolical resource and, at the same time, with the growing deterrent of professionally trained historians from historical politics as such by the means of various administrative, legal, financial and political regulations. After a survey of how the «service-based» role of historical community has changed from the Soviet to post-Soviet time, the author contemplates on possible ways of the rehabilitation of historical profession, emphasizing the prospects of public history as an interdisciplinary alternative to the politically engaged version of the past imposed from above.

Key words: «usable past», memory, history, historical politics, consuming history, public history, past as political resource, invention of tradition, mnemonic patriotism.

References

Assman A. Re-framing Memory: Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past. *Memory, History and Identity in Modern Europe* / eds. K. Tilmans, F.van Vree, J. Winter). Amsterdam, 2010.

Brandenberger D. Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Harvard University Press, 2002.

Brooks V. W. On Creating a Usable Past, The Dial 64.7. *The Dial*. Vol. LXIV, No. 764, 1918. 11 April. P. 337-340.

Chechel' I. Professional'nye istoriki v eru publitsistichnosti : 1985–1991 gg. *Nauch. soobshchestvo istorikov Rossii: 20*

- let peremen* / pod red. G. Bordyugova. M., 2011. S. 52-118
- David-Fox M. Revolution of the Mind. Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca, 1997.
- De Groot J. Consuming History. Historians and heritage in contemporary popular culture. New York, 2009.
- Engel'shteyn L. Povsyudu «Kul'tura»: o noveyshikh interpretatsiyakh russkoy istorii XIX–XX vv. *Novaya russkaya kniga*. 2001. № 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/3/engelsh.html#3a> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk (Perevod N. Avtonomovoy i V. Vizgina). M., 1977.
- Galich A. Predpolagaemyy tekst moey predpolagaemoy rechi na predpolagaemom s'ezde istorikov stran sotsialisticheskogo lagerya, esli by takovoy s'ezd sostoyalsya i esli b mne byla okazana vysokaya chest' skazat' na etom s'ezde vstupil'noe slovo (1972). URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=31922> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Hirsch M. The Generation of Postmemory. Writing and Visual Culture after the Holocaust. Columbia University Press, 2012.
- Kalinin I. Mnemonicheskiy patriotizm. Imperiya pamyati i «postkolonial'nye vyzovy» sovremennoy Rossii. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1677> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Kalinin I. Mnemonicheskiy patriotizm. Vystuplenie na seminare «Pravo, politika, ekonomika i SMI» v Zelenogorske i posleduyushchaya diskussiya. 06.04.2012. URL: <http://mmps.su/article/9772> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Klyuchevskiy V.O. Aforizmy i mysli ob istorii. Soch.: v 9 t. M., 1990. T. 9.
- Kobrin V. B. Komu ty opasen, istorik? (1992) http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.HTM (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Koposov N. Bitvy za istoriyu pri Gorbacheve i El'tsine / Pamyat' strogogo rezhima. M., 2011. S. 111–136.
- Levintova E. Past imperfect: The construction of history in the school curriculum and mass media in post-communist Russia and Ukraine. *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. Vol. 43 (2) P. 125-127.
- Levintova E., Batterfield V. Kak formiruetsya istoriya i otnoshenie k ney : shkol'nye uchebniki o noveyshey rossiyskoy istorii. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. 2009. Vyp. 3 (101). S. 103–114.
- Malinova O. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti. M., 2015.
- Malinova O. Problema politicheskoy «prigodnogo» proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v post-sovetskoy Rossii. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2013. № 1. S.114–130.
- Molodyakov V. Kanun novoy ortodoksii. Istorik i vlast' v perestroechnoy i postsovetskoy Rossii // Nauch. soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen / pod red. G.Bordyugova. M., 2011. S. 261–300.
- Narskiy I. V., Khmelevskaya Yu. Yu. Mezhdru konkurentsiey i paternalizmom: «grantovyy» istorik v sovremennoy Rossii. *Nauch. soobshchestvo istorikov Rossii: 20 let peremen* / pod red. G.Bordyugova. M., 2011. S. 302–319.
- Nitsshe F. O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Soch.: v 2 t. M., 1990. T. 1. S.158-230.
- Pavlovskiy G. Plokho s pamyat'yu – plokho s politikoy. *Russkiy zhurnal*. 09.12.08. URL: <http://www.russ.ru/pole/Ploho-s-pamyat-yu-ploho-s-politikoj> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Pokrovskiy M.N. Obshchestvennye nauki v SSSR za desyat' let: dokl. na konf. marksistsko-leninskikh uchrezhdeniy 22 marta 1928 g. *Vestnik Kommunisticheskoy akademii*. M., 1928. Kn. 26 (2).
- Politika pamyati v postsovetskoy Rossii: Politolog Ol'ga Malinova o kriteriyakh politicheskoy prigodnosti istoricheskikh sobytiy i interpretatsii proshlogo v politike El'tsina i Putina. URL: <http://postnauka.ru/video/41333> (data obrashheniya: 01.09.2015).
- Publichnaya istoriya – eto ne distsiplina. Interv'yu s professorom Manchesterskogo universiteta Dzheromom de Gru. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal ARTIKUL'T*. №11 (3-2013). S. 9–23.
- Savel'eva I. M. Talanty i posredniki: granitsa mezhdru akademicheskoy i publichnoy naukoj. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2015. N 1.
- Zorkaya N. Nostal'giya po proshlomu, ili kakie uroki usvoila i mogla usvoit' molodezh'. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*. Vyp. 3. 2007. S. 35–46.